

Сказание о Константине

Заметки внимательного читателя о книге К.Н. Михеева «Стихи Мнемозине»

mironovacolor.org > [Статьи](#) > [Сказание о Константине. Часть 6](#)

VII. ФИЛОСОФИЯ ЖИЗНИ

*Мир не с нами, а в нас, потому не сулит нам в грядущем прощенья,
Но творим его и покоряем, врата и уста отворив, мы.
Константин Михеев*

Не напрасно называет себя Поэт — «Закройщик высоких материй».

Он — мыслящий поэт, мастер интеллектуальной поэзии. Он размышляет о главных проблемах, над которыми задумывалось человечество с первых дней Творения. Бытие, Время, Человек, Жизнь и Смерть, — вот далеко не полный перечень объектов внимания Константина Михеева.

Обзор его высказываний на эти темы может составить систему, в центре которой — Человек. Все философские вопросы решаются Поэтом по отношению к Человеку, рассматриваются сквозь призму его восприятия и оцениваются в зависимости от того или иного влияния на его жизнь и судьбу.

Состояние духа К.М. (и определяемое им мировоззрение) подобно типичному состоянию атмосферы в нашей стране: большей частью облачная с прояснениями (или без таковых) погода, морозящие осадки и дожди. Заметим: эти явления нередко упоминаются в стихах Поэта. Он — истинный сын своей родины. Вдохновение обычно приходит к нему ночью, под шум ветра и стук дождя, а порой под треск грома и вспышки молний. Его стихи созвучны явлениям природы — в них много метафизической грусти и рокового трагизма, но, как просвет в тучах или блеск молнии, возникает завершающая мысль — о торжестве Истины и Справедливости.

Ведь Мировое зло неотделимо от Добра. Это, по сути, одно и то же, надо только посмотреть с двух сторон. Вот убийственный аргумент: что является величайшей ценностью для человека? — Несомненно — жизнь. И в то же время можно понять того, кто говорит: «Жизнь — ужасная штука» (П. Сезанн).

О чём бы ни пел Поэт — он поёт о жизни, а стало быть, обо всех нас.

Теперь по существу. Начнём с вопроса: что такое *Мир*? Современная наука установила: определить это понятие невозможно, так же, как и понятия *Времени* и *Пространства*. Однако, Константин Михеев верно схватил суть проблемы, говоря о наполненности мира активным движением, деятельностью и созидательной мыслью:

*Этот мир — не наважденье,
А боренье и гаданье.*

Кроме того, Поэт категорически утверждает субъективность этого понятия:

Мир не с нами, а в нас.

Невольно вспоминается:

*Я вижу, слышу, счастлив.
Всё во мне. (И. Бунин)*

С такой же гениальной простотой решается проблема Времени.

Поэт его очеловечивает: «Мстительное, мелочное время».

Так же поступает он с Вечностью:

Вечность, словно пуля, тоже дура.

Для человека вечность — не есть покой. Она — ярмо и ноша. Чья ноша? Конечно, человека. Но если оставить в стороне эти антропоморфные образы — Константин Михеев присоединяется к древней, как мир, аксиоме:

*Быть может, время — только повторенье,
и ничего переменить нельзя.*

Вспомним Экклезиаста:

*«Что было, то и будет вечно,
и нет нового под Солнцем» (пер. С. Аверинцева)*

И ещё в том же духе:

*Кончено всё. Но начнётся всё сызнова,
с круга кочуя на круг. (К. Михеев)*

Знание истории мировой философии внушает Поэту скептическое отношение к проблеме Бытия:

*Земное — лишь сумятица апорий,
Небесное — лишь повод для остроум.*

Поэтому и вырываются у него горькие слова: «Конечный позор бытия».

И снова вспомним Александра Блока:

*Как страшно всё! Как дико!
— Дай мне руку!
Товарищ, друг! Забудемся опять.*

Что же такое жизнь человека? — «Самая опасная зараза».

И ещё: «...невольная аскеза / в объятьях неизбежного греха».

Много раз возвращается Поэт к мыслям о греховности человеческого рода.

*И только грех угадан
и дан тебе как дар, наверняка.
...
Грех — это только повторенье
того, что вызубрил отлично.*

У греха бывают разнообразные лица и одежды: одно из них — ложь.

*Лгут наугад и фарисей, и киник.
Нет веры людям, веры нет словам.*

Поэт испытывает отвращение к человеческим слабостям, причисляя их также к грехам: «и брызжут слизью гнев, тоска и лень».

Сюда же относится «сон разума»:

Мы в потёмках сознания бредём, как зверьё...

Эти строчки написаны о древнем народе — лестригонах, но ведь всякое слово Поэта можно (и нужно) понимать как иносказание о нашем мире и нашей жизни. Да, жизнь эта ещё далека от совершенства:

*Понимаю: путь твой страшен,
не тобой твой жребий брошен.*

Но Поэт убеждён: человек не вправе отвергнуть жизнь, данную ему даром (от Бога). И не

желает он забвения, не выпьет он сок Лотоса, уносящий печали.

*Довольно! Эта участь для другого,
а мне оставьте горесть, гнев и гать.*

Поэт принципиально отвергает «слепую скверну прекрасного бесплодия».

Он с готовностью принимает тяготы и радости своей судьбы.

*Что может быть мучительней и слаще
самим собою избранных оков?*

Вот и решение задачи:

"...Отвергнись себя и возьми крест свой и следуй за Мною." (Лк 9:23)

А иногда Константин Михеев впадает в некое состояние восточного транса:

*Бесследно кануть — в Лету ли, в толпу ли —
Не всё ль равно? — Таков и наш удел.*

Впрочем, окончательный вывод из этих невесёлых размышлений твёрд, как боевой приказ:

Я был, я есть, я буду.

У Константина Михеева высоко развито гражданское чувство; он понимает необходимость закона для нормальной жизни общества.

*Человек — корабль в море.
Он не может без кормчего.*

Тем более страдает он, видя повсеместно беззаконие:

*Ни конца, ни начала —
повсюду разлом и разрыв.*

И это — всегда и во все времена.

*Вне чисел, прорицаний и законов
Вершатся суд, соитье и разбой.*

Может быть, это беззаконие — осуществление извечной мечты о свободе?

Нет! — отвечает Константин. Человек познаёт свободу только во сне.

Сон — это только пробужденье, Освобождение от яви.

Поистине нужна свобода мысли и гражданская смелость, чтобы начертать своей рукой выражение «смерд свободы»...

Юноша Константин, гуляя по садам философии и теологии, сделал свой свободный выбор:

*Но всё-таки и мы — подобье Божье.
Мы Им, Искарот, сотворены.*

Этим всё сказано. DIXI .

Вместо заключения

Философию Константина Михеева не назовёшь оптимистической и «позитивной». Критика его сурова и нелюбезна. Он видит мир отнюдь не через розовые очки. В его глазах человечество составляет единый континуум — «все люди братья», и мысли, и грехи, и проблемы у них — как ветви на одном дереве — Дереве Жизни.

Создатель вложил в душу Поэта отвращение, доходящее до страсти, ко всему безобразному и ужасающему, грязному и грубому. Вместе с тем он высоко ценит красоту в произведениях природы и проявлениях Духа — в Слове, Свете, музыке...

Да, критика человечества в Слове Поэта сурова, но ведь народы нуждаются в пророках, обличающих зло, подобно тому, как юноша нуждается в наставлениях любящего отца, прибегающего порой к наказаниям.

Современный поэт, критикующий реалии нашей жизни, выполняет полезную работу санитара. Ведь не боялся «лучший, талантливейший поэт нашего времени» признаться:

*Я, ассенизатор и водовоз,
Революцией мобилизованный и призванный...*

И всё же главную заслугу Константина Михеева перед искусством поэзии я вижу в том, что его произведения — истинная поэзия, — они поэтичны в высшем значении этого слова, в них нет ни капли прозы. Константин Михеев ещё раз подтвердил: *«Художники думают иначе, чем мы, когда сочиняют свои произведения. Художественную литературу стóит читать хотя бы поэтому»* (Б. С. Мейлах). Современное литературоведение использует методы философии, психологии и точных наук для исследования творчества поэтов. *«Мы нуждаемся в философии лирической поэзии: я думаю, что можно сравнивать лирическую поэзию с теоретической физикой»* (Американский русист Бретт Кук, ЛГ №44, 2013).

Можно было бы написать о поэзии Константина Михеева ещё очень много и белее углублённым методом. Думаю, что это дело недалёкого будущего; пожелаю грядущему исследователю успеха в этом нелёгком и увлекательном труде.

Л. Миронова,
05.12.2013

[Задать вопрос Мироновой Л.Н.](#)